

ПСИХОАНАЛИЗ ГОРЯ

Феномен фантомообразования как частный случай неудачи работы горя

И. К. Круду, Р. Ф. Сахле

Круду Иван Кириллович – психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Сахле Роза Фанту – психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Нормальное горе – это болезненный, но не патологический процесс, направленный на изъятие из утерянного объекта того либидо, которым он был инвестирован. Постоянно сталкиваясь с потерями, имея способность их репрезентировать, мы помещаем потерянные в реальности объекты вовнутрь, в наш внутриспсихический мир.

Однако не всегда горюющий способен на нормальное горевание. Патологической реакцией на потерю мы будем называть меланхолию – пример того, как утрата объекта приравнивается психикой к утрате собственного Я. Другими случаями незавершенной работы горя являются патологии, описанные Ракамье и другими психоаналитиками: экспульсия горя и помещение объекта в психику другого в видоизмененной форме, замороженное горе, суицидоз, соматизация (эвакуация горя вовнутрь). Настоящая статья посвящена одному из видов неудачной работы горя – фантомообразованию.

Ключевые слова: работа горя, фантомообразование, интроекция, инкорпорация, либидо.

Ракамье говорил, что работа горя способна осветить психическую жизнь (Racamier, 1994), однако для способности горевать нашему психическому аппарату необходимо символизировать. Функция символов сводится к образному выражению наших желаний или конфликтов.

Символизация в психическом аппарате происходит посредством *Aufhebung* (термин Фрейда, переводимый как «запирательство»), то есть

отрицания и сохранения. Вытеснение сохраняется и отрицается одновременно. Когда пациент рассказывает о том, что во сне видел какого-то человека, и добавляет, что это точно была не его мать, мы, конечно, можем быть уверены, что это была именно его мать, ведь бессознательному не известна частица «не». В этом диалектика отрицания – отрицать, чтобы сохранить. Эта диалектика присуща потере объекта. Память горюющего сохраняет фигуру умершего в то время, когда признает, что умерший больше не существует.

Впоследствии мы также будем говорить о конфликтной составляющей памяти в отношении потерянного объекта – объект сохраняется в памяти, но с тем, чтобы его изменить. Получая доступ к памяти, мы способны изменять ее материал.

О символизации нельзя говорить вне контекста формирования нашего субъективного опыта, мнестических следов – «первичной психической материи». Эти следы мультиперцептивны, мультисенсорны, невербальны – они несут в себе отпечатки нашего опыта, восприятий того, что с нами происходило. Память – это «всегда готовая воспринимающая поверхность и длительные следы воспринятых записей» (Фрейд, 1925). Опыт записывается в наиболее глубоких слоях нашей психики, развитие которых берет свое начало в отношениях с первичным объектом.

В психике младенца записывается тот опыт, который приносил ему удовольствие. Благодаря присваиванию такого опыта у субъекта развивается способность к символизации, репрезентации и субъективации. Неудовольствие или «плохие» переживания, агрессия на «плохую грудь» матери (Кляйн, 1997) не могут быть психически переработаны младенцем и отрицаются. На этой стадии психического развития формируется защитный механизм расщепления – так младенец противостоит страху уничтожения «плохим объектом» и спасает «хорошую грудь» от деструктивных импульсов.

Недостаточный опыт получения удовольствия приводит к недостаточной способности к репрезентированию. Таким образом, последующая способность к символизации напрямую зависит от интеграции положительного опыта, опыта удовольствия на самых первых стадиях психического развития.

В случае утраты объекта в бессознательном, где хранятся памятные следы, протекает поединок между любовью и ненавистью – любовью к объекту для утверждения позиции либидо и ненавистью – для изъятия объекта. При нормальном горевании запускается процесс словесной символизации поединков. Таким образом, символическое может быть присвоено Я, совершив переход из бессознательного в предсознательное. При патологии горевания перехода не происходит, мнестические следы не связываются с символическим и репрезентацией. У бессознательного отсутствует доступ к предсознательному.

Что происходит, если памятные следы не трансформируются в символическое, если «в психической жизни ничего не теряется»?

Непереработанный, неинтегрированный психический опыт будет возвращаться в разных формах – галлюцинациях, бреде, психосоматических расстройствах. Тело будет хранителем несимволизованный опыта.

Для символизации нужна потеря, однако тут потеря не символизируется, процесс символизации не запускается. Наша способность терять необходима для того, чтобы приобретать – мы теряем объект вовне (в реальности) и приобретаем объект внутри (интроецируем). Если потеря не символизируется, то есть объект для психики не потерян, то необходимость создать внутренний объект, интроецировать, отсутствует.

Анализируя психоаналитическую литературу, мы приходим к выводу, что процессу символизации препятствуют различные факторы, среди которых объединяющим можно назвать неспособность окружения субъекта на ранних этапах развития оказать поддержку в интеграции опыта восприятия.

Метапсихологические различия между интроекцией и инкорпорацией

Ференци описывал интроекцию как расширение аутоэротического интереса на внешний мир посредством «втягивания» его объектов в Я (Ференци, 2000).

Он отмечает, что человек может любить только себя самого, поэтому, говоря о любви к объекту, следует понимать, что объект принят, включен в бессознательное Я субъекта. Именно поэтому страдания, которые кто-то доставляет любимому объекту, ощущаются как свои собственные.

Реальная утрата объекта любви не является двигателем для интроекции. Она лишь могла бы остановить этот процесс включения. Ведь при интроекции субъект привносит в свое Я, насколько это возможно, большую часть внешнего мира, которая становится предметом бессознательной фантазии. Этот механизм способствует росту и расширению Я, где ключевую роль играет не объект как таковой, а функция смягчения остроты блуждающих неудовлетворенных бессознательных влечений посредством объектных отношений. Таким образом, объект здесь выступает как проводник, посредник. Отсюда мы можем сказать, что интроецировать – значит включить в круг своих интересов объекты, на которые можно переносить свои чувства.

Первый опыт интроекции начинается с момента рождения – речь идет об опыте «пустого рта» (*Abraham, Torok, 1987*), усиленного материнским присутствием. Младенец взывает к матери криками, плачем, они наполняют его рот. С развитием речевого аппарата младенец может звать маму. Позднее происходит переход от удовлетворения потребностей материнским объектом к наполнению рта словами, смыслами: от рта, наполненного грудью, ко рту, наполненному словами. Посредником в этом процессе выступает мать, так как обладает речевым аппаратом и посредством его облачает влечения, сырые аффекты в слова, расширяя бессознательное Я, наполняя смыслами. Ее постоянство – гарант того, что у слов имеется значение. Интроецировать желание, боль, ситуацию – это провести

их через общность «пустых ртов». Вследствие чего присутствие объекта уступает место самовосприятию его отсутствия. Научиться заполнять пустой рот словами – это первая парадигма интроекции. Чтобы признать потерю и запустить процесс горевания, о ней необходимо заговорить.

Интроекция желаний, касающихся потерянного объекта, является залогом работы горевания. Именно в таком случае либидо, инвестированное в объект, снова станет доступно Я для фиксации на других объектах, что не отменяет болезненность процесса горевания, но не делает его патологичным. Можно говорить о том, что горе запускает желание, и в этом месте субъект сталкивается с психическим конфликтом – столкнувшись с травмой потери, субъект движется к субъективации. Я перестает быть Я, желанным для объекта (*Laufer, 2006*), теперь субъекту как будто бы не хватает себя самого, и горевание приводит субъекта к обретению себя.

Стоит отметить, что большая часть свойств, неверно относимых к интроекции, напротив, подходят психическому явлению, формируемому инкорпорацией. Именно этот механизм предполагает в качестве запуска утрату объекта перед тем, как относящиеся к нему желания будут высвобождены. Утрата для интроекции действует как прекращение механизма включения, расширения, становясь при этом запретом, непреодолимым препятствием. Для восполнения утраченного удовольствия и недостающей интроекции совершается помещение внутрь себя запрещенного объекта. Именно таким образом происходит инкорпорация. При меланхолии мы знаем, кого мы потеряли, но не знаем, что потеряли. Это является патологической реакцией, когда работа горя невозможна (*Фрейд, 1998*).

Важен тот факт, что объект помещается внутрь, чтобы стать тайной, скрытой от всякого постороннего взгляда, в том числе от взгляда собственного Я, и стать обреченным на невозможность назвать себя. И на это, мы помним, есть особые причины: инкорпорация рождается из запрета интроекции. Важным становится обойти этот запрет, незаконно, без решения самого объекта и реальности, скрыть магическим образом объект, который уклоняется по каким-то причинам от своей миссии: выражать интроекцию желания. Чтобы выжить, тайну нужно сохранить – это еще одно отличие от интроекции, которая действует, напротив, открыто.

Другими словами, инкорпорация имеет место, если интроекция сталкивается с препятствием. Локацией препятствий становится рот, не способный произнести определенные слова, выразить смысл. Он не может насытить себя обменом слов с другим и вводит в себя потерянный объект – единственного хранителя того, у чего нет названия. Решительный переход от интроекции к инкорпорации – момент, в который слова не заполняют пустоту субъекта и он вводит воображаемую вещь, тем самым заполняя пустоту. В отсутствие идеи о пустоте, которую могут наполнить слова, сама идея интроекции исчезает. Совершить действия ртом и сказать другому о том, чего не хватает, невозможно, и субъект прибегает к фантазму инкорпорации, вызывающему одновременно регресс и рефлексивность.

Инкорпорация как источник фантома

Фантазм инкорпорации возникает как первая ложь. Предоставляя «проглоченный объект» как предмет утоления голода интроекции, он тем самым не удовлетворяет возникшей потребности в удовлетворении влечений, так как не в состоянии воспроизвести реальные объектные отношения, и становится при этом инструментом обмана. Этот жест обмана направляется на самого себя, спровоцированный непреодолимым желанием совершить интроекцию, несмотря на возникшие внешние препятствия. Я обманывает себя магическим образом посредством мгновенной исключительно галлюцинаторной и иллюзорной интроекции. На этом уровне, когда было отказано в прогрессивном либидинальном обогащении, Я регрессирует.

Психический механизм инкорпорации отчасти напоминает трапезные обряды первобытных людей, основанные на вере в то, что свойства животного переходят к тому, кто его съел (Фрейд, 2022).

Рассуждая о «реальности» в метапсихологическом смысле слова, следует отметить, что она направлена на топические изменения в психике, фантазм же направлен на обратное. Его функцией становится сохранить, увековечить запретное желание, сделать из него внутриспсихическую тайну. Он зачастую бессознателен, направлен на сохранение status quo в топике, которая держится в секрете. Понять фантазм – значит определить, какому топическому изменению он противостоит.

Не отделимый одновременно от внутриспсихической конъюнктуры, которую он призван сохранить, и от метапсихологической реальности, которая требует изменения, фантазм несет в себе информацию и о субъекте, которого он изобретает, и об опасности, которую он предотвращает. Таковы первофантазмы первосцены, кастрации, соблазнения.

Существует иной тип фантазмов, который своим содержимым иллюстрирует процесс, посредством которого изменяется топика. Здесь речь идет о фантазме инкорпорации, который может проявляться в различных фантазматических вариациях. Таких, например, как ввести в тело, сохранить в нем или изгнать из него объект целиком или его части, приобрести, потерять. Эти и другие фантазматические варианты несут в себе в образцовой форме присвоения (или ложного отчуждения) знамя внутриспсихической фундаментальной ситуации, которая, в свою очередь, создалась реальностью потери, понесенной психикой. Эта потеря, если она была понесена, накладывает глубокую перестановку.

Инкорпорация относится только к тем нарциссическим потерям, которые не могут по каким-то причинам признать себя потерями. Речь идет только о потере нарциссически необходимого объекта, природа которой запрещает коммуникацию. Иначе в инкорпорации нет смысла. Потеря отрицается, будто нечего было терять. Все воспоминания, слезы, сцены заглатываются и консервируются. Непроизносимое горе устанавливает внутри субъекта тайный склеп. Человек с его топикой и связанные с ним травматичные моменты, которые могут быть как реальными, так и

фантазийными, которые привели к тому, что интроекция невыполнима, содержатся в крипте.

Помещая объект в крипту, горюющий реализует фантазматическое желание слияния с объектом (этим также можно объяснить повышение уровня либидо в момент утраты, описанное Абрахамом (*Torok*, 1968)). В отличие от расширения Я посредством интроекции такой механизм ведет к обеднению Я. Субъект испытывает сладостную боль от утраты объекта, законсервированного во внутриспсихическом склепе.

При инкорпорации работы горя фактически не происходит, Я частично идентифицируется с утерянным объектом, позволяя ему таким образом «не умирать» и отрицая реальность, в которой объекта больше нет. Горюющий в какой-то степени становится этим утерянным объектом для самого себя.

Фантомообразование: переходный феномен

Описывая феномен утраты и горевания, которые поначалу отрицаются, Ракамье указывал на искаженность и слабую различимость или ее полное отсутствие при взгляде на горе, (не)вызванное утратой (*Racamier*, 1994). Здесь интересно далекое от психоанализа, но весьма актуальное выражение о скелетах в шкафу. Скелеты, которые порой хранит запрятыми в своих шкафах целое поколение. Такие скелеты или же фантомы, не приобретая формы, передаются по наследству.

Лофер называет фантом формой «генеалогического сплетения», которая пересекает психическое время и пространство (*Laufer*, 2006).

Фантом – это остаточное явление непродланного горя. Внутриспсихическая крипта или склеп предполагают, что у фантома нет своего собственного закрепленного места в Я горюющего. Психоаналитики указывают на двойственную природу фантома – одновременно живой и мертвый (*Racamier*, 1992).

Само определение слова «фантом» исходит из его неясной, иллюзорной природы – образ, призрак, иллюзия, привидение. Фантом – это явление умершего, который хочет быть погребен. При фантомообразовании, связанном с неудачей работы горевания, фантом, или «непогребенный умерший», может предстать в виде реального, а также в виде воображаемого человека или вещи. Так или иначе, ни о существовании, ни об отсутствии фантома нельзя утверждать.

В качестве отдельного вида фантомов можно выделить «объекты-фантомы», описанные Ракамье при работе с пациентами, больными шизофренией (*Racamier*, 1992). Это живые субъекты, которые живут и проживают мир таким образом, как задуманы фантомы.

Общей чертой между ощущением себя в качестве фантома и фантомом, относящимся к фантазматическому регистру (фантому, воображаемому горюющим субъектом), является аспект одновременного присутствия и отсутствия, который *ощущается* (субъективное ощущение

чего-то странного, не поддающееся описанию словами, встречается в клинической практике при работе с психотическими пациентами – «Я вам это словами не опишу»).

«Фантомность» субъекта как носителя собственного внутриспсихического фантома превращает его самого в бесформенного, ни живого, ни мертвого, ни присутствующего, ни отсутствующего, тем самым вызывая страх у тех, кто встретится с объектом-фантомом.

Фрейд также размышляет о том, что встреча с образом покойного вызывает чувство жуткого (*Unheimlich*). Более того, он приводит пример того, как его собственное неожиданное отражение в зеркале купе вагона вызвало вначале недоумение и принятие себя за незнакомца, а впоследствии неприятные ощущения. Такая реакция может быть пережитком архаических реакций, воспринимающих двойника как жуткое (Фрейд, 1919). Фрейд также указывает на то, что жуткое ощущается там, где стирается грань между фантазией и реальностью. Здесь можно дискутировать о том, что наша фантазия может быть основана на вытесненном, забытом реальном опыте. В дословном переводе с немецкого *Unheimlich* – это «неродное», «непривычное». Приставка un или «не» может быть опущена, ведь для бессознательного слово «нет» или отрицание могут иметь значение вытесняемого. В таком случае эффект жуткого производит то, что было увидено ранее, то, что, когда-то было родным, но таковым быть перестало в силу действия психических защитных механизмов и именно поэтому наводит такой ужас на субъекта.

У объектов-фантомов нет своего оформленного внутриспсихического места, что транслируется в восприятии реальности. В этой реальности они могут физически занимать место, но оно не будет ощущаться как собственное, как свое. Даже в крипте, которая могла бы выступать особым тайным внутриспсихическим местом для фантома, он не может оставаться полностью запертым, его эхо пронизывает психическую жизнь горящего, как будто его целью является оставить тот импринт или мнестический след на ткани горящего, который он был бы в состоянии присвоить и навсегда отпустить ту часть либидо, которая относится к умершему.

Можно ли говорить в таком случае о том, что горящий, переполненный фантомом, сливаясь с ним и не выделяя ему «почетное» место в психике, теряет собственное место и в какой-то степени перестает жить, находясь одновременно в мире живых и в мире мертвых (то есть в постоянном переходном пространстве между жизнью и смертью или между утратой и трансформацией)?

Таким образом, именно возвращение фантомного образа может позволить создать место для умершего в психике горящего и привести в движение его психическую жизнь, которая остается замороженной и ригидной в месте травмы, вызванной утратой. Горящий стремится ухватить потерянный объект, чтобы позволить себе от него освободиться.

Условия возникновения фантомов

Размышляя о естественном, не отягощенном чувством вины убийстве чужака первобытным человеком, Фрейд (*Freud, 1957*) обращается к тому конфликту, который послужил началом психологии человека как существа разумного и сознательного в принципе. Это те противоречивые чувства, с которыми сталкивается первобытный человек при смерти его близкого любимого человека. С одной стороны, смерть любимого близкого порождает страдание человека, ведь умирает тот, кто является частью его Я и своей смертью символически приближает его собственную смерть. Следует также отметить комплексность феномена смерти для психики в целом в связи с тем, что смерть невозможно репрезентировать, можно лишь представлять ее образы и переживать эмоции, связанные со смертью. С другой стороны, даже близкий человек является чужим, и таким образом его смерть удовлетворяла первобытного человека. Именно это положительное отношение к смерти любимого породило чувство вины.

Если амбивалентность первобытного человека в отношении близких людей была более безграничной, то современному человеку также присущи полярные чувства по отношению к любимому объекту в силу того, что часть Я всегда будет стремиться к свободе и освобождению от любого объекта, даже самого любимого.

Амбивалентность по отношению к потерянному объекту и психическая способность субъекта разместить поединок между любовью и ненавистью в бессознательном являются условием работы горевания. Любовь – чтобы утвердить позицию либидо, ненависть – чтобы изъять объект. Горевание по утерянному объекту предполагает, что часть души все равно останется с любимым объектом, однако она незначительна для нашего дальнейшего существования.

В свою очередь, в том случае, если у субъекта происходит идентификация с умершим, вызывающим амбивалентные чувства, его утрата превращается в утрату Я. Битва между любовью и ненавистью разыгрывается внутриспсихически и направлена на самого себя. Таким образом, горевание по утерянному субъекта создает для последнего риск утраты себя. Как страх смерти является страхом потери себя, так и смерть близкого человека в случае идентификации с ним вызывает страх потери себя. Чем сильнее фиксация на объекте (можно говорить о нарциссическом характере инвестиций в такой объект, в отличие от объектных), тем сильнее может развиваться желание слияния с таким объектом. Такое желание, в частности, может осуществляться путем инкорпорации и помещения объекта или фантома во внутриспсихическую крипту.

Как было отмечено, интроекция желаний, связанных с потерянным объектом, является залогом горевания. Когда процесс интроекции и горевания сталкивается с препятствием, часть неозвученных, неинтроецированных желаний приравнивается к утерянному объекту. Объект становится их хранителем, приводя Я в парадоксальную позицию – объект запрещает желания (в силу чувства греха) и одновременно обещает их реализацию в будущем. Соответственно, Я необходимо сохранить такой

объект (фантом), так как его утрата может привести к невыносимому обеднению Я.

Для понимания проблематики фантомообразования интересным будет обратиться к другим размышлениям Фрейда о первобытных цивилизациях (Фрейд, 2012). Фрейд зачастую обращается к краеугольной для всей истории человечества тематике отцеубийства. Первобытным человеком как будто движут инцестуозное желание (находящееся под запретом отца) и желание отцеубийства (впоследствии убитый отец получит дань уважения в попытке смягчить его возмездие).

Если размышлять о трансгенерационной передаче фантомов и о том, что успешная работа горевания зависит от горевания по основному объекту, то можно говорить о том, что желание слияния с потерянным объектом напоминает те самые инцестуозные желания, о которых говорил Фрейд. Желание же убийства любимого объекта является той частью амбивалентности чувств, при которой самый близкий человек остается, при этом несколько ненавидимым.

Именно враждебность (в том числе отрицаемая или вытесненная) по отношению к любимому объекту затрудняет работу горевания. Размышляя о привязанности ребенка к матери, Рейнгольд (Рейнгольд, 2004) делает вывод о том, что ребенку легче переносить смерть родителя, если его привязанность к нему была безопасной. Смерть родителя, с которым ребенок находится во враждебной зависимости, будет означать, что надежда на то, чтобы заслужить его любовь или получить доказательства этой любви, умирает вместе с объектом, оставляя ребенка один на один с внешним миром, в котором ему небезопасно.

Мелани Кляйн также указывает на то, что утрата возвращает детский страх того, что это садизм ребенка послужил причиной того, что хороший материнский объект был утрачен (Кляйн, 2007).

Существует гипотеза о том, что чувство греха или стыда также может относиться не к субъекту, а к объекту, играющему роль Идеала Я (*Abraham, Torok, 1987*). В крипте хранятся именно его секрет и его стыд. Признать постыдные желания будет равносильно разрушению идеального объекта.

Таким образом, психоаналитическая литература относит к условиям возникновения фантомов следующие факторы: (1) амбивалентность чувств в отношении утерянного объекта, (2) неинтроецированные, непронесенные и неосознанные желания, связанные с таким объектом – в том числе инцестуозные, (3) чувство вины за смерть объекта, (4) чувство стыда за желание слиться с таким объектом, а также за действия, совершенные им при жизни, если такой объект является идеальным для горюющего.

Отдельным примером, способствующим возникновению фантомов, является тайна, связанная со смертью или исчезновением утерянного объекта. Неясные обстоятельства смерти, расставание с последующей смертью или исчезновением объекта затрудняют работу горевания. Похоронный ритуал имеет терапевтический эффект для психики горюющего, позволяя ему как соприкоснуться с реальностью смерти (что помогает преодолеть

ее страх), так и символически проводить умершего в мир за пределами жизни, то есть отпустить его.

Интересен пример писателя еврейского происхождения Жоржа Перека. Он потерял родителей в раннем детстве – отец погиб на войне, а мать стала жертвой Освенцима, пропавшей без вести. Написав роман «La disparition», Перек пытался воскресить, а точнее, вспомнить смерть родителей, для того чтобы утвердить собственную жизнь. Горевание о тех, кого мы не помним, затруднительно. Утерянные объекты в таком случае предстают перед горюющим в виде фантомных образов, и, только придав им контуры и оформленность, горюющий может привести психическую жизнь в движение.

Клинические симптомы фантомного пространства

Одним из важных симптомов патологии работы горевания является обращение негативных импульсов, которые не могут быть обращены против потерянного объекта, против самого себя. Тень объекта, которая падает на Я, приводит к тому, что не внешний мир горюющего становится скудным и жалким, а таким становится Я. В «Печали и меланхолии» (Фрейд, 1998) Фрейд подчеркивает то, что самоистязательные импульсы, направленные на объект, разворачиваются в сторону собственной личности.

Данный симптом и другие клинические симптомы фантомообразования напрямую связаны с нарциссическим способом инвестирования и идентификацией с умершим объектом. Агрессивные импульсы направлены на себя во избежание разрушения любимого объекта, к которому горюющий испытывает «постыдную» ненависть. Разрушение любимого объекта в таком случае для Я будет означать разрушение Я.

Повышение либидо в момент утраты, навязчивое поведение, направленное на сохранение умершего объекта или на поиски умершего объекта (объекты-фантомы Ракамье), – все это также указывает на необходимость психики сохранить объект для сохранения собственного Я. При этом конечной целью является обретение собственного Я, отдельного от умершего объекта. Фантом сохраняется, разыскивается и возвращается именно для того, чтобы трансформироваться.

Для того чтобы качественно отгоревать по потерянному объекту, горюющему необходимо увидеть и назвать то, что он хотел бы сохранить от умершего. В противном случае через работу горя он рискует потерять те ценные неинтроецированные желания.

В случае фантомообразования желание слияния с объектом для горюющего равнозначно желанию быть собой, что для него доступно только в присутствии умершего объекта.

На сеансах психотерапии встреча с фантомом, ощущение образов, воспоминания, телесные реакции могут сопровождаться сильной тревогой. Тревога в таком случае будет связана с тем, что выжившие в памяти образы содержат самые архаичные и примитивные желания (неозвученные), а также с соприкосновением с травмой потери – тем местом, где в психике

произошел разрыв, связанный не только с потерей самой по себе, но и со значимостью умершего для субъективности горюющего.

Если место потери, травмы было когда-то заморожено во избежание интенсивной психической боли, то размораживание может тяжело переживаться горюющим, и для такого переживания потребуется присутствие аналитика.

Именно травма и последующий шок приводят к тому, что потерянный объект или образ теряют свою форму. Тот импринт, который умерший оставил в психике горюющего, смазан силой травмирующего действия потери на психику.

При переживании травматического опыта горюющий сталкивается с бесформенным ужасом, не отделимым от потери. При переживании такого ужаса и тревожности между горюющим и умершим стираются границы. Горюющий начинает идентифицировать себя со смертью или исчезновением, стиранием.

Лофер утверждает, что в случае фантомообразования, проявляющегося в бесформенном телесном переживании, которое приобретает психическую форму горюющего, создавая расщепление, – этот защитный механизм необходим для того, чтобы избежать меланхолического захвата (*Laufer, 2006*).

В этом промежуточном фантомном пространстве образ Я соединяется с объектом – в переходной фигуре (фантоме) Я горюющего начинает видеть свое отражение. Горюющий пытается возродить себя после смерти умершего в то время, когда смотреть напрямую в лицо умершего невыносимо больно.

Фантом ищет следы формы, чтобы найти следы образа Я, чтобы следы стирания были обнаружены. Через эти следы горюющий проходит через опыт исчезновения, чтобы снова появиться как «субъективированная» личность. В аналитическом пространстве такое «исчезновение» в благоприятных условиях также сопровождается тревожностью, связанной как с переживанием травмы потери, так и с приведением в действие тех форм и образов, которые до этого были недоступны горюющему, – расщепление, которое выступало его защитным механизмом, начинает движение и впускает новые фигуры.

Прежде чем заговорить словами, которые придадут форму образу другого и самого себя и помогут субъективации, горюющий будет испытывать тревожность, вызванную ощущением потери себя, десубъективацией. Тень взгляда падает на того, кто на него смотрит (*Laufer, 2006*).

Фрэнсис Бэкон настаивал на том, чтобы перед его картинами, на которых были изображены трупы, были размещены стекла. Стекла играли роль отражателей – осуществляя возвращение (как возвращение вытесненного) и задвоение (как обнаружение образа фантома или «чужого» внутри себя). Бэкон говорил, что отражение позволяло вернуться к взгляду – взгляд видел себя увиденным. Принимая во внимание изображаемое на картинах, такое отражение вызывало странные ощущения, но в них художник видел силу, форму и способность к трансформации. «Важно ухватить то, что не перестает трансформироваться» (*Bacon, 1996*).

Понятие послежития

Умершие определенным образом выживают в психической жизни горюющего, возникая в памяти в различных формах, пробуждаясь в теле и через тело, в сновидении и через сновидение, в словах и через слова. Психика горюющего в такие моменты становится местом встречи того, что когда-то было, с тем, что существует в качестве следа того, что было. Все, что было уже увидено, пережито, вторгаясь в настоящее, неизбежно несет в себе неактуальные черты, но при этом продолжает жить. Такие явления становятся концептом понятия *Nachleben*, или послежития.

Вопрос горевания ставит вопрос послежития в контекст того, что умерший может себя определить только как тот, кто возвращается в определенной форме или взятый в эту форму. Форма может представлять собой галлюцинацию, образ из галлюцинации, присутствие или отсутствие в зеркале, сновидение, фантом, симптом, бред, истерический приступ, одержимость.

Тогда мы можем говорить о том, что послежитие представляет собой психический опыт жизни образа умершего, который всегда находится в движении, каждый раз возвращаясь упорно и изменчиво с присущей ему настойчивостью, имея важную цель: не исчезнуть, а трансформироваться. Этот возврат формы, одновременно близкий и далекий, создает удивление, беспокойство, тревогу, даже искажение времени вне времени. Это можно наблюдать, когда видишь умершего в сновидении, думаешь, что заметил его на углу улицы, привиделся его образ в лице прохожего и т. д. Все это не что иное, как встреча с психическими фантомами. Именно эта точка встречи ознаменовывается понятием послежития, именно она является тем отправным пунктом, когда можно через слова установить связь между мертвым и живым. Ведь для того, чтобы заговорить о фантоме, его для начала необходимо встретить. Поэтому мы можем говорить, что послежитие психических форм открывает ассоциирование образов, предшествующее ассоциированию слов или идей.

Послежитие – это момент преддверия, который запечатлен как переход, момент кризиса или катастрофы, перелома, который открывает телесное проявление вернувшегося образа. На самом деле с фантомом можно встретиться и в теле. Так, запечатленный образ умершего, проявившись во сне, несет в себе определенную интенсивность, и мы зачастую ощущаем, как сновидение нас захватывает. Возможно, это происходит потому, что оно создает определенный телесный контакт. Поэтому мы говорим, что послежитие – это такое же телесное действие, как и психическое.

Послежитие напоминает двойное движение: то, которое трансформируется, и то, которое повторяется, возвращаясь обратно. Возвращаясь, каждое воспоминание изменяет связь с умершим. Горюющий, таким образом, рискует потерять в опыте горевания то, что он хочет сохранить от умершего. Это психическое изменение в действии в опыте горевания состоит из усиления связи с умершим, и это усиление заключается в выработке симптомов. Усиление послежития предстает, таким образом, как

соединение между актуальным симптомом горюющего, актуальным психическим действием и действием, историей и импринтом умершего.

Импринт умершего, его структура, так же как и его способность к метаморфозе, – это существенные темы вопроса послежития. И в этом смысле Пьер Федида напоминает, что «послежитие нельзя называть условием или состоянием пережившего» (*Fédida*, 2000). В каком-то смысле послежитие – это присутствие отсутствия, которое изымает из памяти воспоминание об отсутствующем. В этом присутствии появляется что-то странное. И странность эта заключается в обращении к образу неизвестного предка, о котором мы даже не можем сказать, существовал ли он, и идентификации с ним. Регрессивная память переноса в какой-то степени отправляется на поиски отсутствующего предка, продолжая в настоящем приводить в действие боль без воспоминания. В данном контексте речь идет о том, что находка предка неразрывно связана с появлением места для воспоминания о себе.

Понятие послежития утверждает, что история не линейна, она создается во времени и против времени, анахронизмами и диахронией, где анахроническое прошлое припоминается и в то же время нарушает модель традиционной историчности. Именно поэтому динамику послежития пытаются описать как встречу импринта мнестического следа с реальным действием, реальной формой. Эта молниеносная встреча, в свою очередь, пытается рассказать историю, сформировать психическую ткань путем написания психического текста, используя все то, что выживает в памяти. А выжить в ней может только то, что наиболее всего вытеснено, наиболее мертво, погребено, но и одновременно наиболее подвижно, живо, влекуще. В этом сама диалектика послежития.

Оно включает в себя движение, вызванное возвращением фантома. И это возвращение непременно несет раздирающую боль, переживания. Это своеобразное возвращение к жизни образов и аффектов. Подвижные идентификации, с которыми имеет место послежитие, вызывают появление возвращенных фигур. Такое возвращение непременно сопровождается тревогой, которая необходима для того, чтобы заново открыть травму в лечении. Возвращающееся действие относится не только к умершему, к идентифицированному исчезнувшему объекту, оно относится к совокупности психического текста горюющего, ко всей его фантазматической истории, заселенной фантомами. Желание «искать» того, кто стоит за движением или за словами, и идентифицироваться с ним, сводит опыт горевания к поведенческому прочтению, которое не повлечет открытия фантазматического пространства горюющего. Послежитие – это время фантома, которое открывает пространство фантазма. Послежитие в качестве момента возвращения фантомов – это время перехода от фантазматического присутствия к самому себе.

По этой причине эти времена, эти телесные и психические формы-силы в действии послежития подвергают пациента и аналитика испытанию границ символического. Деформации здесь предстают как для аналитика, так и для пациента. Каждый здесь встречает свои собственные фантомы. Аналитический кадр и перенос, открываясь времени послежития,

объединяют этот ускользающий возврат со знанием возвращающихся форм. Пока послежитие действует в лечении, пространство травмы заново открывается: так, мы можем встретить у пациента попытку сбежать в самый момент возвращения хаоса путем разрушения кадра, отмены, агрессивности, к которым он прибегает, чтобы сдержать это возвращение. Аналитическим механизмом здесь будет контейнирование, которое примет аффект, разрыв образов и симптом.

Аналитическое пространство для перехода к гореванию

Психика горящего стремится к целостности, к обретению частей Я, неинтроецированных желаний. Именно горевание позволяет совершить переход от бесформенности, вызванной травмой потери, к обретению формы и целостности.

Ракамье также указывает на то, что потеря необходима для обнаружения объекта: ребенок теряет мать как атмосферу, чтобы обнаружить ее в качестве отдельного от него объекта (*Racamier, 1994*). Горевание в более широком смысле – это способ открытия объекта. Объект не может быть обнаружен прежде, чем он утерян (здесь следует отметить важность признания утраты, которой не происходит в случае инкорпорации или отрицания потери). В случае первичного горя, которое играет важную роль в успешной работе любого последующего горевания, ребенок совершает переход от слияния к отдельности, от раннего расщепления – к целостности. Отгоревав слияние (здесь также стоит упомянуть нарциссическое инвестирование в объект, препятствующее нормальной работе горя), горящий сможет обнаружить объект как отдельный от себя.

В случае прерванной работы горя в ходе аналитического лечения аналитик обнаружит слияние пациента с утерянным объектом, или фантазм инкорпорации. Как мы говорили ранее, фантазм инкорпорации лишь маскирует истинные желания Я, которые психика стремится интроецировать. В таком случае аналитик может способствовать тому, чтобы помочь пациенту расшифровать «замаскированный язык желаний, еще не рожденных в качестве желаний, еще не интроецированных» (*Torok, 1968*). Заговорить о собственных желаниях, обнаружить в себе язык неудовлетворенных желаний, спрятанных во внутриспсихической крипте, вместе с утерянным объектом, – это значительный шаг от инкорпорации к нормальной работе горя.

Другой причиной такого сильного стремления к слиянию с объектом путем инкорпорации, к фиксации на нем, является сильнейшее удовольствие от каждого подъема либидо, связанного с «обладанием» таким объектом. В аналитической работе это удовольствие может принимать форму интенсивной боли. Это связано с чувством стыда и вины, которые горящий испытывает за столь агрессивные фантазмы. Чувство удовольствия вытесняется, принимая внешний вид боли. В таком случае задачей аналитика является обнаружение того ценного материала, который скрывается за психическими страданиями пациента. Именно боль сможет проложить путь для пациента и аналитика, приведя их к тем желаниям, о которых

горюющий так и не успел заговорить. Здесь можно говорить о том, что в процессе аналитической работы аналитик и пациент находятся в поисках следов репрезентации.

При этом для пациента аналитик за счет переноса будет выступать в качестве судящего его, обвинителя, именно в силу испытываемого самим пациентом чувства вины. Чувство вины может быть настолько интенсивным, что психика горюющего не будет способна переживать и перерабатывать его в одиночку. Именно внешняя фигура обвинителя в лице аналитика может позволить заговорить о собственных чувствах вины и стыда, возлагая также надежду на то, что аналитик после суда отпустит грехи виновного горюющего.

Более того, пациент не может как вспомнить, так и забыть о своих фантазмах, желаниях, постыдных чувствах (если фантом одновременно ни жив и ни мертв, то о фантазме горюющий не помнит и не забывает). Прежде чем забыть, все эти психические элементы должны быть переработаны. Именно для такой переработки аналитик одалживает пациенту свои психические силы. Опираясь на психический аппарат аналитика, пациент начинает символизировать и ментализировать.

Также перспектива перестановки всегда будет встречать в той или иной мере инертность и сопротивление со стороны психики, которая одновременно с необходимыми психическими изменениями и трансформациями стремится к гомеостазу. Либи́до, инвестированное однажды в объект, изымается из него с трудом (для того чтобы быть инвестированными в иные объекты).

Помимо собственных постыдных чувств психика горюющего может сталкиваться с сокрытием стыда потерянного объекта, играющего роль Идеала Я. Такие пациенты сталкиваются с тем, что любовь к такому объекту для них постыдна, поскольку имел место травматизм. Помещая объект в крипту, они тем самым продолжают верить в его невиновность. Крипта в таком случае защищает от меланхолии. В случае, если крипта пошатнется, Я рискует слиться с объектом и самой криптой, разрушая объект и себя, запуская бесконечный процесс горевания. Меланхолик, говоря об объекте, будет делать акцент не на утраченном объекте (как при объектном инвестировании), а на том, что речь идет о *его* потере, о том, что объект потерялся у *него* (нарциссическое инвестирование).

Меланхолик и фантом становятся одним и тем же, поскольку объект инкорпорирован. В такой ситуации, как указывают Торок и Абрахам (*Abraham, Torok, 1987*), аналитик должен обратить внимание не на ненависть объекта, а на любовь объекта к субъекту. После этого включение объекта в крипту может постепенно смениться настоящим гореванием. Интерпретации же об агрессии объекта становятся новыми нарциссическими ранами для горюющего. В такой ситуации успешным итогом работы был бы вывод пациента о самопожертвовании объекта – «если тот, кто меня любит, должен меня потерять навсегда, он не переживет эту потерю».

Работая с фантомом, аналитик получает возможность получить доступ к фантазму. Именно фантазматический регистр хранит в себе информацию, которую держит в тайне внутриспсихическая крипта. Здесь важно иметь в виду, что, стараясь ухватить фантом, мы рискуем не получить доступ к фантазму. Задача состоит не в том, чтобы вспомнить лицо умершего, а в том, чтобы найти мнестический след и то движение, которое начертило этот след.

Аналитик при работе с фантомами также встречается с собственными фантомами и должен выдерживать их бесформенность, которая лишает его собственной формы, с нарушением кадра со стороны пациента после того, как ему вновь открывается пространство травмы. Аналитик должен быть готов (1) выдерживать появление фантомов, бесформенность, чувство жуткого, повышенную тревогу, проективную идентификацию, (2) контейнировать аффекты, вызванные столкновением с травмой, (3) быть внимательным к телесным проявлениям пациента.

Мы говорили о важности слов и способности заговорить о своих желаниях и чувствах для успешной работы горевания и интроекции. Образ фантом открывает возможность привести в движение ту энигму, которая несет в себе желания горюющего. Здесь особенно важны слова горюющего по поводу его собственных образов – в этом месте аналитику следует быть особо внимательным к тому, что говорит его пациент. Разъяснительные интерпретации или психоаналитические редукции должны отойти здесь на второй план, чтобы не препятствовать развитию и рождению собственных слов пациента о том, что погребено внутри его психики.

Работа аналитика также напоминает работу генеалого – он помогает появлению образов в их разрывной темпоральности (речь, конечно же, не о линейной истории и не о хронологии). Невидимый путь этих образов и желаний прослеживается в слушании психоаналитика. Они открываются за счет переноса, перенос здесь становится своего рода временем – временем перестановки и трансформации.

Сеанс создает возможность вернуться к моменту травмы не в одиночку, а в более благоприятных условиях, опираясь на психические силы аналитика. Жизненность памяти, ее пластичность порой заморожены травматизмом потери, и разморозка переживается тяжело. Пробуждение боли в аналитической работе позволяет придать видимую форму душевной боли. Задача аналитика не в том, чтобы смягчить эту боль, а в том, чтобы войти в контакт с силой травмы.

Приведение памяти в движение не только вызывает интенсивную боль, но также возвращает ей пластичность, необходимую для трансформации и горевания. С одной стороны, возвращаются воспоминания, появляются фантомы. Горюющий начинает вспоминать, кем он был для другого. С другой стороны, пластичность памяти позволяет создавать новые воспоминания.

Горе запускает желание – место психического конфликта. Опыт горевания вызывает кризис, через который горюющий способен прийти к субъективации.

Каждый сеанс сам по себе является лечением, позволяющим формировать прошлое внутри настоящего. Ференци говорит о необходимости повторять травматизацию в благоприятных условиях, чтобы впервые привести ее к восприятию и моторной разрядке (*Ferenczi, 1934*). У пациента появляется возможность заговорить о травме в том месте, где ее повторение первично.

Алфавитизация на ранних этапах жизни, присутствие первичного объекта и его способность удовлетворять потребности ребенка в тот временной интервал, за который ребенок способен выдерживать фрустрацию, имеют прямое влияние на способности к символизации. Андре Грин размышляет о том, что концепция переходного или потенциального пространства стоит того, чтобы уточнить условия возможности символизации, поскольку подразумевается, что переходность возникает на месте потенциальной встречи, в которой когда-то произошла сепарация, при условии, что она не влечет для ребенка последствий, которые он не способен выдержать (*Green, 2000*).

В работе с фантомами, задача аналитика усложняется – он должен пережить и принять агрессивность, ужас, дикость, примитивность фантазмов. Фантазматическая деятельность питается отсутствием любимого объекта и дает некую «форму» от ужаса бесформенности примитивной тревоги.

Аналитик должен позволить себе меняться, деформироваться тревогой пациента. Терпеливое ожидание аналитика может позволить говорящему начать различать собственные образы и заговорить о них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. СПб.: Б.С.К., 1997.
2. *Кляйн М.* Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями // М. Кляйн. Психоаналитические труды: в 4 т Т. 2: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929–1942 гг. / Пер. с англ. и нем. Ижевск: ERGO, 2007.
3. *Рейнгольд Д. С.* Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. М.: Когито-Центр, 2004.
4. *Ференци Ш.* Интроекция и перенесение // Ш. Ференци. Теория и практика психоанализа. СПб.: Университетская книга; М.: ПЕР СЭ, 2000.
5. *Фрейд З.* Жуткое. (1919). Проект «Весь Фрейд» [Электронный ресурс] // URL: <https://freudproject.ru/?p=723>
6. *Фрейд З.* Заметки о «Вечном блокноте» (1925). Проект «Весь Фрейд» [Электронный ресурс] // URL: freudproject.ru/?p=1565
7. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия // З. Фрейд. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998.
8. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: Азбука, 2012.
9. *Фрейд З.* Я и Оно. М.: Эксмо, 2022.
10. *Abraham N., Torok M.* (1987) *L'écorce et le noyau*. Paris, Flammarion
11. *Vacon F.* (1996) *Entretiens avec Michel Archimbaud*. Paris, Gallimard. P. 119.

12. *Fédida P.* (2000) Préface. In J. Altounian, *La survivance: Traduction du trauma*. Paris, Dunod. P. 53.
13. *Ferenczi S.* (1934) Réflexions sur le traumatisme, URL: https://psycha.ru/fr/ferenczi/1934_posth/reflexion_trauma.html
14. *Freud S.* (1957) Thoughts for the Times on War and Death (1915). The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud (Vol. 14). London: Hogarth Press.
15. *Green A.* (2000) *Le temps éclaté*. Les Editions de Minuit. Paris.
16. *Lauffer L.* (2006) *L'énigme du deuil*. Presses Universitaires de France.
17. *Racamier P. C.* (1994) Expulsion de deuils déniés & Transmission de dettes insolubles – P.C. Racamier. [Lecture]. Colloque du Collège de Psychanalyse Groupale et Familiale. URL: <https://www.spp.asso.fr/vimeo-video/paul-claude-racamier/>
18. *Racamier P. C.* (1992) *Le génie des origines*. Psychanalyse et psychoses. Edition Payot & Rivages.
19. *Torok M.* (1968) *Maladie du deuil et fantasme du cadavre exquis*. *Revue française de psychanalyse*. Vol. 32. No. 4.

Formation of Phantoms as A Particular Case of Unsuccessful Grief

I. K. Krudu, R. F. Sakhle

*Krudu Ivan K., psychologist, psychoanalytically oriented psychotherapist.
Sakhle Rosa F., psychologist, psychoanalytically oriented psychotherapist.*

Normal mourning is a painful but not pathological process aimed at withdrawing from the lost object the libido by which it was invested. Constantly facing losses, having the ability to represent them, we place the objects lost in reality inside, into our intrapsychic world. However, the mourner is not always capable of normal mourning. We will call melancholia a pathological reaction to loss, as an example of how the loss of an object is equated by the psyche with the loss of one's own Ego. Other cases of unfinished work of mourning are the pathologies described by Racamier and other psychoanalysts: the expulsion of grief and the placement of an object in the psyche of another in a modified form, "frozen" grief, "suicidose", somatization (evacuation of grief inside). This article is devoted to one of the types of unsuccessful work of mourning: formation of phantoms.

Keywords: work of mourning, formation of phantoms, introjection, incorporation, libido.